

ДАРЬЯ
КАЛИНИНА

Под покровом
листвы зреет
заговор

Тени
яблонево
аллеи

Детективы для хорошего настроения Дарьи Калининой

Дарья Калинина

Тени яблонево́й аллеи

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Тени яблоневой аллеи / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2026 — (Детективы для хорошего настроения Дарьи Калининой)

ISBN 978-5-04-251818-8

Новое дело трех закодычных подружек! В дачном поселке «Лесная сказка» август бьет рекорды по урожаю, а у обитательницы уютного дома Оленьки — настоящая катастрофа: две сотни юных петушков начали... исчезать. Вор, действующий с поразительной ловкостью, уносит самых голосистых певцов, не оставляя следов. Вместе с верными подругами — практичной Светланой и творческой Катюшей — Оленька решает устроить засаду. Но вместо вора подруги находят на соседском участке поэтессу с пробитой головой, а все улики указывают на Оленьку. Отныне ей приходится не только защищать остатки петушиного поголовья от таинственного похитителя, но и доказывать свою невиновность в покушении на убийство. Подруги выясняют, кто же орудует под покровом ночи: обиженная поэтесса, странный знакомый или говорящая ворона-сквернослов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251818-8

© Калинина Д. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Калинина

Тени яблоневого аллеи

© Калинина Д. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Август в этом году выдался поистине замечательный. Придаться не к чему. Днем стояла изумительная, теплая и солнечная погода, а дожди выпадали в ночное время. И, словно бы по расписанию, шли они четко раз в неделю, исключительно на будних днях, чтобы не потревожить отдыхающих после трудовой недели граждан. Да и все прочее выглядело так, как будто бы сама природа хотела помочь осуществлению планов всех садоводов-огородников: собрать наилучший в их жизни урожай.

Но урожай ведь такая двоякая штука. Как бы и хорошо, что он есть, но, с другой стороны, его еще нужно как-то собрать и сохранить. И каждый новый день бросал садоводам свои вызовы. Все, что успело завязаться в прохладном июне, подрасти в жарком июле, теперь в теплом и мягком августе успешно доспевало, дорастало, набирало вкус и размер. И, того гляди, могло перерасти и испортиться прямо на грядке.

И люди, покачивая головами, делились друг с другом радостью:

– Год какой урожайный! Давно такого не было.

Ветки деревьев и правда гнулись под тяжестью поспевающих плодов. И не только яблони постарались, не отставали от них и груши с черешнями. И даже капризные сливы, которым вечно то холодно, то монилиоз у них, и те впервые за многие годы вспомнили о том, что они вообще-то не просто для красоты высажены, чтобы по весне радовать хозяев своим цветом, но еще и для того, чтобы к сентябрю люди смогли угоститься спелой сладкой сливой с дерева, а также наварить повидла впрок.

Так что каждый день у Оленьки начинался с ревизии плодовых насаждений. Она всякий раз надеялась, что за ночь ее деревья кто-нибудь обтрясет и, выйдя, она не обнаружит на них ни одного плода, говорят, случалось раньше такое. Но ей то ли не везло, то ли урожая у всех было завались, никому он был и даром не нужен. Несмотря на некоторое количество паданцев, прибавившихся на траве, на ветках деревьев количество плодов, казалось, не убывало.

И возвращаясь домой, бедная Оленька тихо приваливалась к стеночке и в отчаянии шептала:

– Нет, не смогу. Не осилю! Не успеть мне переработать эту пропасть!

Да что там переработать! Собрать такой богатый урожай и то было затруднительно.

– Пропадет же все! Как быть?

Она пыталась позвать дочь с зятем на помощь, но те отговорились поездкой на море. Оленьку это возмутило до крайности.

– Нашли тоже время в море плескаться! Тут у матери урожай гибнет, а им все лишь бы хихоньки да хахоньки!

Впрочем, в том, что родная дочь ей в битве с урожаем не помощник, Оленька убедилась еще на этапе белого налива. Яблоки этого сорта спешили в ее саду самыми первыми. Их было так много, что дерево из зеленого превратилось в нежно-белое. Каждое спелое яблоко казалось вырезанным из слоновой кости, так красиво, что хоть на выставку посылай.

Оленька обожала компот из белого налива, настоявшись, он напоминал по консистенции кисель. Он был густой, тягучий и так славно благоухал летом. Яблоки в него требовалось отбирать небольшие и твердые, такие яблочки помещались в трехлитровую банку целиком, а к зиме они набирали в сиропе чудесный вкус и аромат, так что поедались целиком, одна палочка от них и оставалась.

Да и свежими плоды этого сорта тоже хороши. Тонкая кожица просвечивала на солнце, внутри чувствовалась нежная и ароматная сахаристая и в то же время сочная мякоть. Цвет яблок на дереве варьировался от светло-зеленого до нежно-золотистого. Но брать нужно было лишь те яблочки, которые были почти белыми. Они были самыми вкусными. Но вот беда,

храниться не могли совершенно. Неделя-две – и замечательный вкус терялся, сахар уходил, забирая с собой и сочность, прекрасное яблоко превращалось в картошку.

– Срочно забирайте яблоки! – требовала Оленька от молодых, когда от банок с компотами у нее уже рябило в глазах. – Я уже больше не могу их видеть. Каждый день по килограмму съедаю, а их все больше. Спасайте меня!

Молодые к ней приехали, послушно обобрали несколько веток, с них собралось четыре ведра, с которыми они и намеревались смыться.

Оленька своим телом преградила им дорогу.

– А остальные кому? Тут с дерева еще десять ведер наберется. Забирайте все!

– Мама, да куда нам столько?

– Раздайте!

– Где? Кому?

– Людям!

– На перекрестке стоять будем? Или на рынок с товаром предлагаешь отправиться?

– Знакомым в подарок отдайте. Соседям! Родственникам!

Но молодежь что-то кататься по родственникам с ведрами яблок не рвалась. Не казалась им такая идея привлекательной. Насилу удалось уговорить, чтобы передали пару ведер давнишним знакомым Оленьки, ее бывшим коллегам по детскому садику.

Но те в ответ позвонили, и хоть поблагодарили, но также намекнули, что «белый налив» они взяли, но теперь рассчитывают на ответную любезность уже от самой Оленьки. Одна подруга требовала, чтобы у нее забрали груши, когда те поспеют. Вторая настаивала, что ведро белого налива равно по сумме двум ведрам осенних яблок.

– Антоновка и «осенняя полосатка» тебя ждут, – заявила она. – Так что готовься, Оля. В сентябре зять привезет!

Но Оленька не испугалась. Ведь до сентября еще нужно было дожить. Пока что после битвы с белым наливом требовалось пережить основную августовскую страду садовода. Оленька даже позвонила мужу, но Слава лишь рассмеялся в ответ. У его матери в саду было шесть яблонь, и каждая в этом году решила идти на рекорд по урожайности.

– Сам не знаю, куда от урожая уже деваться. На работу таскаю, там мужики потихоньку едят. Но еще и твои, извини, Оля, не потянем.

Так что по факту Оленьке пришлось встать на борьбу практически в одиночку. Немножко помогали подруги. А точнее, козы, которых держала Светлана. И еще на подмогу неожиданно пришли цыплята, которых купила сама Оленька. По знакомству ей удалось в мае месяце купить суточных цыплят с птицефабрики. За три коробки, полных копошащихся желтых шариков, Оленька отдала несчастные пятьсот рублей. Коробки были невелики, но цыплята сидели там в несколько слоев. И когда Оленька дома высыпала бедняжек из коробок, то они рассыпались по всей поляне настоящей живой волной.

Все цыплята были петушками, и тому была веская причина, которой и поделился с Олей ее знакомый.

– Знаю, баба ты хорошая, потому отдал бы тебе их просто так, но не могу. Примета такая: чтобы живность прижилась, нужно за нее денежку дать. Вот ты мне и дай на бутылку, дай, не торгуйся, потому что иначе всем этим малышам придет полный каюк, потому как они все петушки, а птицефабрике нужны одни лишь несушки. Если сегодня не возьмешь, то завтра их спрессуют, заморозят и на корм собакам или змеям продадут.

Оленька ужаснулась при мысли, что столь юные живые души, не увидев даже солнечного луча, отправятся в мясорубку, тут же купила всех. Так во владении Оленьки оказалось две сотни совсем юных и очень подвижных петушков, которые исправно росли, набирались сил и, как все мальчишки-подростки, очень хорошо кушали. Зерновая смесь исчезала из их кормушек так быстро, что иногда Оленьке казалось, она их и не кормила вовсе. Яблоки раскле-

вывались мгновенно, стоило Оленьке отвернуться. Но яблок было так много, что иногда даже прожорливые петухи не справлялись с ними за один присест.

Катюша приходила полюбоваться, приносила яблоки из их со Светланой сада и неизменно облизывалась на петушков.

– Вкусные, наверное, будут, – шептала она, любовно поглядывая на птичек. – На яблочках выросли. Ароматные. Когда пробовать-то их будем?

Но Оленька все время откладывала этот момент. Она понимала, что развязка неизбежна, но все равно не могла заставить себя зарубить хотя бы одного драчуна.

– Катя, не приставай. Я не могу их тронуть. Мне их жалко. Да и маленькие они еще какие-то. Что там есть-то?

Петушки за три месяца и впрямь выросли незначительно. Самые крупные весили по полкило, граммов по семьсот. Соседки, которые держали бройлеров, приходили полюбоваться и смеялись над ней.

– У нас уже вторая партия подрастает. А ты все еще первую до ума довести не можешь.

Их бройлеры вырастали до двух-трех килограммов всего за полтора-два месяца. А Оленькины петушки все еще выглядели как двухнедельный бройлер. Да и те, признаться, были покрупнее.

Добрая Катюша пыталась подбодрить подругу:

– Зато, считай, даром достались, да, Оля? Может, хоть бульон с них попробуем? Нам на бульон двух-трех птичек должно хватить.

Оленька от таких разговоров мрачнела и замахивалась на Катюшу кухонным полотенцем, пустым ведром, а то и тяткой, в зависимости от того, что держала в руках. Пока что ни один из птичьей оравы не пострадал от руки своей хозяйки. И Оленька сильно сомневалась, что когда-нибудь у нее хватит духу прикончить хотя бы одного из своих птенчиков.

– Что я за идиотка? Ведь я не могу держать их вечность. Зима скоро. Надо с ними что-то решать.

И вот сейчас она в задумчивости обзревала свой птичник. В последнее время ей вдруг стало казаться, что птичек вроде как стало поменьше. И сегодня она взялась пересчитать их всех. Она провела за этим занятием без малого три четверти часа, но желаемого результата так и не добилась. Петушков оказывалось то сто пятьдесят, то вдруг число их сильно переваливало за две сотни.

Оленька считала, пока у нее ум за разум не зашел.

– Триста двадцать один, триста восемьдесят девять... Тьфу ты! Их всего было двести штук!

Падеж среди цыплят случился только на начальном этапе выращивания. Сначала какая-то неведомая куриная хворь, которую не смог опознать даже ветеринар, скосила десяток малышей. А возможно, их просто придавили в чрезмерно плотно утрамбованных коробках более сильные и взрослые товарищи. У маленьких цыплят каждый день важен. Новорожденный очень сильно отличается от суточного, прожившего уже двадцать четыре часа товарища, и весом, и пушистостью. Один другому не конкурент.

Оленька в те дни горько оплакивала каждую потерю, но понимала, что слишком мало общалась с цыплятами, чтобы суметь навредить им. Но следующий падеж случился через пять дней, и тут уж Оленька поняла, что вина лежит полностью на ней. Она заметила, что несколько цыплят выглядят как-то невесело, но не предприняла никаких мер. Нужно было их изолировать, напоить антибиотиком, дать лекарство от паразитов. Хотя бы водички с марганцовкой налить. А она махнула рукой и положила на авось. Итогом стали павшие бойцы в числе двенадцати особей. Остальные приняли лекарство и выкарабкались, а Оленька навсегда усвоила горький урок: с маленькими птенчиками нельзя полагаться на волю случая, нужно держать руку на пульсе двадцать четыре на семь.

Но дальше все как-то наладилось, прописанные цыплятам лекарства и витаминные добавки помогли окрепнуть, и больше ни одного петушка Оленька не потеряла. Во всяком случае, так ей казалось. Но конечно, чрезмерно шустрые и подвижные птички могли и удрать из своего вольера. И даже сказать честно, они несколько раз удирали. Иногда поодиночке, иногда организованными группами. Но тут уж за дело принимался Калачик, который с самого первого дня самовольно назначил себя главным по петушкам.

Песик вспомнил о том, что в его жилах течет кровь пастушьих собак, он дневал и ночевал возле вольера и буквально не знал ни единой минуты покоя. Оленьке даже начинало казаться, что ее дорогой Калачик несколько схуднул с тела. Под пышной шубкой нельзя было точно понять, а взвешивать себя Калачик не позволял. Но все же Оленька думала, что она прощупывает ребра, до которых прежде было не добраться. И как-то положив руку на спину Калачику, она обнаружила острые выпирающие позвонки.

Визит к ветеринару успокоения не принес. Анализы у собаки оказались в норме, но во время визита в клинику Калачик так нервничал, как еще никогда с ним не бывало.

Петр Семенович, их ветеринар, даже слегка огорчился.

– Он так и рвется прочь из моих рук. А ведь мы с ним старые друзья. Чем же я мог так сильно его обидеть?

Но все объяснялось чрезвычайно просто. Калачик рвался назад к своим подопечным, песик был свято уверен, если не будет денно и нощно следить за всей оравой, то обязательно что-нибудь да случится. Например, снова сбегут. И тогда нужно будет громким лаем поднимать тревогу и загонять беглецов назад на место. И все же, несмотря на все старания Калачика сберечь петушиное поголовье, птицы стало значительно меньше.

Сбившись в очередной раз со счета, Оленька отправилась в дом и принесла оттуда коричневый маркер, которым принялась рисовать цифры на белых спинках у петушков.

– Один, два, три...

Дело пошло на лад. Вскоре число перевалило за сотню, и Оленька обнаружила, что в ее стаде существенная убыль. Теперь куриное стадо недотягивало даже до полутора сотен.

– Сто сорок восемь. Куда же делись все остальные? Их должно было быть под сто восемьдесят.

Ни павших тушек, ни перьев, ни крови нигде не было видно. Значит, вывод напрашивался один: петушки удрали. Оленька поняла, что необходимо найти лазейку, через которую птенцы и удирали. Она чуть ли не на коленях обыскала весь вольер, но ничего похожего на лаз не обнаружила. Улететь птицы не могли, верх был затянут сеткой от хищных птиц, в том числе и от ворон. Соседские коты тоже были бы не прочь полакомиться нежным цыпленком, но их отпугивал все тот же верный страж Калачик.

Единственный кот на всю округу, которому позволялось приходить к цыплятам, был Федор – кот Светланы. Ему по старому знакомству было разрешено сидеть рядом с Калачиком и наблюдать через сетку за суетой птичек. Остальным котам и кошкам поселка строго-настрого возбранялось даже такое невинное удовольствие.

И вот теперь, невзирая на все меры безопасности, убыток был налицо. И Оленька пошла жаловаться подругам. Те ей сначала не поверили.

– Куда они могли деться? Мы белых петухов, бегающих по дорогам в поселке, не замечали. Ты чего-то перепутала!

– Точно. Сосчитала неправильно. У тебя с математикой всегда неважно было.

Оленька оскорбилась.

– Может, я и выжила из ума, но до ста я сосчитать еще в состоянии!

– Я посчитаю, – вызвалась Светлана.

Петушки украсились новыми отметками, но и у Светланы получился тот же итог.

– Не понимаю, как такое может быть.

– А чего тут не понимать, цыплят кто-то таскает. Вряд ли это дикое животное, оно оставило бы следы. Единственное животное, которое не оставляет следов, – это человек.

– Прилично он их так-то потаскал! Если так дело пойдет, то через месяц у меня не останется ни одной птицы.

Не то чтобы Оленька сильно переживала по этому поводу. Оно бы и неплохо, если бы кто-то снял с нее бремя ответственности. Петухи, которые становились все взрослее, драчливей и крикливей, давно уже перестали производить умиленное впечатление и теперь все больше раздражали своим шумом и постоянными разборками. Им обязательно нужно было выяснить, кто из них в стаде главней. И от петушинных боев перья летели во все стороны.

Пристроить петухов в добрые руки, вот чего хотелось Оленьке. Но ей также хотелось знать, какова будет их дальнейшая судьба. Так уж была устроена Оленька, что ей было важно знать, что с ее питомцами все в порядке.

– А тут петухи исчезают в полную неизвестность. Непорядок это!

– Если вор повадился ходить в курятник, то он не остановится, пока не перетаскает их у тебя всех.

– Но я не понимаю! Калачик от вольера даже на минуточку не отходит.

– Это он днем дежурит. А ночью?

Оленька была вынуждена признать, что на ночь она забирает Калачика в дом.

– Вот тут-то вор и приходит! У тебя замок на курятнике есть?

– Щеколда.

– Ее же запросто отодвинуть можно!

– На том расчет и строился, чтобы легко все было. Я же не думала, что в нашем благополучном поселке кому-то придет в голову воровать моих петухов!

– Я бы на твоём месте оповестила членов правления. Они должны заняться искоренением воровства!

Но Оленьке не хотелось поднимать шум.

– Подождём. Может быть, мы ошибаемся. И петухов вовсе не украли, а взяли на время с какой-то своей целью.

– Знаю я, что там за цель, – проворчала Катюша. – Говорила, суп нужно из них сварить. Сейчас бы хоть не так обидно было.

– А я верю в лучшее!

Катюша закатила глаза, а Светлана фыркнула:

– Я бы на твоём месте поверила, что все твои пропавшие петухи нынче обитают уже в лучшем из миров. Ну это же петухи, для какой ещё цели они могут понадобиться?

В глубине души Оленька сознавала, что подруги правы. Но что-то мешало ей полностью поверить в такую версию. И она решила до последнего бороться за доброе имя своих соседей. Представить, что кто-то из тех людей, с кем она ежедневно сталкивается на улице, здоровается, общается, вдруг ночью берет и так запросто переключается в режим куриного воришки. Караул! Вокруг них оборотни!

– Не может такого быть. Если петушков забрали, значит, была какая-то необходимость их взять. Нужно просто выяснить, кто их забрал. И поговорить с тем человеком. Уверена, после этого все прояснится.

Но так как воришка обладал чрезвычайной скромностью и к общению не стремился, то Оленька выставила ночной караул. В него вошел Калачик.

– Тебе поручается ответственное задание, – сообщила она песику, приведя его к дверце курятника. – Сиди с петухами и сторожи их.

Калачик очень удивился и начал возражать. Его громкий лай разносился над поселком, и Оленька прекрасно понимала все, что песик хотел ей сказать.

– Когда я сам хотел, ты меня с цыплятами не пускала ночевать. Теперь я уже отвык, они выросли, я к ним и сам не хочу, а тебе приспичило меня к ним отправить! Нетушки! Теперь они стали большие, больно клюются, я к ним не пойду!

– Ты снаружи посторожишь, – уговаривала его Оленька. – Будь умничкой, без тебя никак не обойтись.

– Ладно уж! Но будешь мне должна!

Калачик был не слишком доволен порученным ему заданием, но в итоге смирился. Оленька смогла пойти в дом, а он остался в загоне возле курятника, сторожа вход. Нельзя сказать, что у Оленьки было спокойно на душе. Ничуть не бывало. Она ежеминутно прислушивалась к тому, что происходило на улице. Но Калачик не подавал голоса.

И все-таки утром количество петухов сократилось еще на семь особей. Теперь уже нельзя было не признать, что в курятнике орудует чрезвычайно ловкий и хитрый вор.

Глава 2

Оленька занималась консервированием собранных утром в теплице огурчиков, когда к ней заглянули ее подруги.

– Пришли тебе помочь с твоей работой.

– Вы?!

Оленька удивилась не случайно. Что Светлана, что в особенности Катюша – обе они не имели ни малейшей склонности к заготовке продуктов впрок. Впрочем, Светлана готовила вкуснейшую домашнюю пастилу и квасила овощи, но оба эти процесса не занимали у нее много времени. Пастила готовилась яблочная, для чего фрукты измельчались блендером, а получившаяся густая масса выкладывалась на поддонах, которые выставлялись затем на ярком солнце, сушиться.

И все, дальнейший процесс приготовления пастилы завершался уже самим продуктом совершенно самостоятельно. Разве что время от времени Катюша подходила к будущей пастиле, чтобы снять с нее пробу. Необходимости никакой в этом действии не было, Катюше просто хотелось.

С овощами Светлана поступала еще проще. Осенью на кухню прикатывалась огромная бочка, куда и складывался весь урожай. Никакого различия ни для кого не делали. В ход шло все, что выросло в саду. Кочаны капусты, перец острый и сладкий, огурцы, помидоры, топинамбур, головки лука и чеснока, морковь, брюква, репа и даже поздние яблоки и сливы. Все слои пересыпались солью, сверху овощи закрывались листьями смородины, хрена и зонтиками укропа. И дальше все квасилось опять же самостоятельно без малейшего вмешательства человека. Тут уж Катюша пробу не снимала.

При всей простоте рецепта, вкус квашеной продукции получался богатым и сбалансированным. Холодными вечерами с отварной картошечкой с грибочками да под рюмочку все три подруги находили блюдо изумительным. Ну а пастилу было приятно пожевать просто так, чтобы заморить червячка, а заодно набраться витаминчиков.

– Проще надо жить, – поучала подруг Светлана, – проще и легче. Тогда и на то, чтобы получать от жизни удовольствие, время найдется. А если погрязнуть в домашних хлопотах, то жить-то когда?

Но Оленька не могла отказаться от своих любимых маринованных огурчиков. Домашний маринад совсем не то, что покупной магазинный. Тот пить невозможно, а в исполнении Оленьки маринад получался таким легким, что выпивался, словно сок. Кисленький, ароматный, благоухающий чесночком, укропом и, конечно же, огурчиками. Банки у нее всегда брались не больше литра. И плоды в него помещались лишь самого деликатного размера, чтобы баночка для начала радовала глаз, а потом уже вкус.

Единственное, что все-таки позаимствовала Оленька у подруги, была сама идея овощного ассорти. Только не в бочке, а в баночке. И не крупные переросшие овощи, а крошечные, не больше пальчика, огурчики. Такие огурчики и сами по себе были невероятно вкусны в легком маринаде, но все годы Олю терзала смутная неудовлетворенность, когда она видела, что в банке остаются свободные места, в которые никак не удается втиснуть огурчик без потери красоты и симметрии остального содержимого банки.

И отныне терзания остались в далеком прошлом. Теперь в ее баночках присутствовала помимо самих огурчиков еще и всякая другая огородная вкуснятина. В любимом рецепте Оленьки помимо корнбишонов присутствовали также ягоды черной, красной и розовой смородины, а также крепенькие еще зеленые плоды крыжовника. Ягоды не только обогащали вкус, но и придавали цвет и насыщенность рассолу.

К консервации своих драгоценных огурчиков Оленька относилась со священным трепетом, никого не подпуская к ним и близко. А потому появление в столь ответственный момент подруг и их желание присоединиться к ней за работой вызвали у Оленьки оторопь.

– Девочки, спасибо вам огромное за помощь, только я уже все закончила. Ну почти закончила.

На самом деле, Оленька даже еще и не приступала. Успела лишь с утра сходить в теплицу и собрать очередное десятилитровое ведро огурчиков. Теперь самые маленькие должны были отправиться в маринад, побольше в соленья, ну, а переростки, к которым Оленька относилась всех, кто был уже больше пятнадцати сантиметров, отправлялись в летний салат.

– Ты про огурцы? Нет, мы по другому поводу.

– Мы знаем, как помочь тебе обезопасить твоих петушков от краж!

– В самом деле? – засомневалась Оленька. – И как? Предложите установить камеры и систему видеонаблюдения? Я против! Не желаю, чтобы за мной шпионили.

– погоди ты с камерами. Ты лучше подумай, если Калачик не поднял сегодня ночью тревогу, значит, в курятник приходил кто-то свой.

– Мне тоже пришло это в голову, – со вздохом призналась Оленька. – Или все-таки какой-нибудь ловкий зверь? Ласка или хорек? Но откуда бы им у нас взяться?

– Николаю Трофимовичу внуки привезли в подарок енота.

– Еноты вроде как больше по фруктам специалисты. Не слышала, чтобы еноты нападали на домашнюю птицу.

– У Елисеевых выдра живет. Они ей рыбу живую привозят с рыбалки, в бассейн выпускают, выдра ее ловит.

– Выдры хищные животные, они кроме рыбы и мясо любят.

– Но выдры далеко от воды не отходят.

– Я к тому, что может случиться, что у кого-то в поселке живет хищный зверек в качестве домашнего питомца. Ну и ночью он выходит на охоту.

Оленьке и самой приходила в голову подобная мысль, и она сказала:

– Я проконсультировалась со Славой, все-таки он состоит в обществе охотников и рыболовов. Он говорит, что зверь обязательно оставил бы после себя следы борьбы, перья, кровь. А тут ведь ничего. Я потому долгое время и не замечала, что стадо редет, потому что никаких видимых следов беспорядка в курятнике не было.

– Раз видеонаблюдение ты категорически отмечаешь, тогда остается старое и доброе, многократно и с успехом испытанное средство и только одно.

– Что за средство?

– Засада!

– Мы втроем устраиваем засаду возле твоего курятника, а когда вор приходит, то мы ловим и изобличаем преступника!

Оленька задумалась. Идея казалась ей стоящей. Она и сама уже подумывала о таком, но теперь при поддержке двух подруг окончательно убедилась, что попробовать стоит.

– И вы будете сидеть вместе со мной в засаде всю ночь?

– До самого рассвета!

Оленька обрадовалась. Она даже не обратила внимания на то, что Катюшка, пока они обсуждали план, успела перелопатить ведро огурцов и выбрать из него всех самых аппетитных и ровненьких малышей, которые и употребила по прямому назначению, то есть съела их, оставив в ведре лишь уродливые кривульки и пузатенькие бочонки. Обнаружив после ухода подруг недостачу материала для консервирования, Оленька даже не подумала расстраиваться.

– И слава богу! На здоровье! Мне же возни меньше.

Всю оставленную на ее милость некондицию Оленька порубила в мелкое крошево, так что уже и не видно было, какими огурчики были изначально. Засыпала смесью сахара, соли,

куркумы и добавила пару ложек уксуса. Теперь огурчикам полагалось дать сок и полежать в нем, пропитавшись хорошенько. Потом заготовку требовалось хорошенько прогреть с добавлением небольшого количества крахмала, и можно было раскладывать по банкам. Такая закуска использовалась на бутерброды, в хот-доги и просто к отварному мясу.

Когда с огурцами было покончено, наступило время отдыха. Оленька отрезала себе щедрый ломоть ржаного хлеба, еще теплого. У них в поселке недавно открылась маленькая пекарня, и выпечка в ней всегда продавалась самая свежая. На хлеб Оленька положила листья салата и зелень руколы, поверх них нанесла еще не успевшую толком застыть огуречную намазку, прикрыла двумя большими ломтями жареной ветчины, а на ветчину еще пристроила стрелки зеленого лука. По пути Оленька прихватила успевшие созреть в теплице томаты, и с тарелкой в руках, сопровождаемая Калачиком, отправилась на свое любимое место в саду, которое находилось под раскидистой черешней.

В этом году черешня особенно порадовала их всех урожаем крупных и сладких желтых ягод. Вторая черешня у Оленьки была с темно-красной ягодой, но ту всегда обирали дрозды и другие птицы. А вот желтые ягоды казались птицам незрелыми, не стоящими внимания. И благодаря такому невинному обману пернатых Оленька с подругами и соседями могли сполна насладиться вкусом домашней черешни. Кроме того, из ягод наварили изумительного прозрачного янтарного варенья, которое было едва ли не единственным, прошедшим строгий отбор у Оленьки.

Вообще, к вареньям Оленька была равнодушна. Но вот черничное, айвовое, персиковое, абрикосовое и земляничное одобряла и с удовольствием лакомилась ими. Так что баночку-другую на зиму она на полочке в кладовке пристраивала. Теперь к списку деликатесов присоединилось еще и варенье из желтой черешни. Вкус его был настолько хорош, что Оленька озаботилась всяческим уходом за своей черешней. Не ленилась ее кормить, поить и лечить и добилась того, что ветки у дерева от такой заботы ушли на добрых четыре метра в высоту. И теперь до самых верхних ягод никто из подруг добраться просто так уже не мог. Стремянка не помогала, тут требовалось специальное устройство на телескопической палке, им и доставали ягодки с макушки.

Весной черешня радовала глаз. Она цвела самой первой из всех деревьев в саду, стоя в облаке белых цветов, буквально жужжала и вибрировала от обилия налетевших на ее цветы голодных пчел, которым пока мало было другой пищи. Если майский денек выдавался теплым и солнечным, то Светлана приносила под черешню коврик для йоги и расслаблялась на нем. Она уверяла, что гудение пчелиных крылышек позволяет всем ее чакрам очиститься от негатива, а потокам энергий, текущим через них, гармонизироваться с ритмом самой Вселенной.

В остальное время года черешня просто давала приятную кружевную тень. Тут у Оленьки стояло мягкое кресло. Удобно устроившись в подушках, Оленька поставила тарелку на стоящий рядом столик и пристально глянула на Калачика, который уже водил над ее тарелкой носом. Проверял, что вкусненькое сегодня у них имеется на перекус.

– Даже не смей! – сказала Оленька песику.

Калачик прерывисто вздохнул и сел, не спуская глаз с хозяйки. Каждый отправляющийся в ее рот кусок он провожал с таким волнением в глазах, словно лично был ответственен за то, как тот доберется до места назначения. Калачик знал, что ему тоже достанется кусочек, но все равно волновался. А вдруг не достанется? Случалось ведь и такое, что Оленька, полностью погрузившись в свои мысли, забывала, что рядом с ней находится очень голодная, практически умирающая с голоду собака. И если последний кусок исчезал прежде, чем Калачик получал свою долю угощения, тогда взгляд у него менялся. Надежда на его морде уступала место унынию, и он смотрел на Оленьку с таким укором, что той приходилось срочно исправлять свою ошибку. Повинуясь гипнотическому взгляду собачьих глаз, она вставала и шла в дом на

поиски чего-нибудь вкусенького для вымогателя. А Калачик бежал рядом и делал вид, что не имеет никакого отношения к шантажу.

Но сегодня Оленька не забыла, и свиная шкурка с кусочком хлебной корочки достались Калачику.

– Избаловала я тебя, – сказала Оленька песику, пока тот жевал. – Какой еще собаке так хорошо живется на свете?

Калачик точно не знал, но подозревал, что никакой. Он облизнулся, на всякий случай обнюхал тарелку, но на ней и впрямь больше ничего не оставалось. И тогда Калачик растянулся на травке, сонно помаргивая.

«Когда не ем, я сплю!»

Таков был его девиз по жизни. И судя по всему, девиз всех его предков. К этому можно было прибавить «еще играю и валяю дурака», но это было бы несправедливо в отношении Калачика. Он искренне старался приносить своей хозяйке пользу, и не его вина была в том, что тут на обозримом пространстве не имелось многочисленных овечьих отар, которые бы он мог пасти. Имелись лишь две несчастные козы, которых к тому же Калачику не разрешалось воспитывать. В итоге, по мнению Калачика, обнаглевшие от вседозволенности козы вели себя просто возмутительно. Ходили куда хотели. И делали тоже все, что хотели, не спрашиваясь ни у кого, в том числе и у Калачика.

Чувствуя, что после обеда ее тоже начинает клонить в сон, Оленька переместилась из кресла в свой любимый гамак, повешенный между двумя старыми яблонями. От яблонь тоже была тень, даже еще гуще, чем от черешни. Укрывшись от мушек легким покрывалом из жатого льна, Оленька задумалась о том, что же ей предпринять для охраны петушков.

«Ну допустим, сядем мы в засаду. А если вор не один? Если их несколько, и они здоровые мужики?»

Поставить капканы? Муж Слава мог бы ей помочь в таком деле, но гуманно ли ставить капканы на живых существ? Заминировать подходы к сараю? Был риск повредить не только похитителей, но и собственное имущество. К тому же Оленька почему-то была уверена, что остальные жители поселка косо посмотрят на такой способ защиты своего имущества.

«Они и так из-за петушиного пения на меня ругаются. Скажите, не нравится им, когда их петухи на рассвете будят! А петухи, между прочим, для того и созданы. Они как будильники работают. Каждое утро мир будят! Оторвались люди от своих истоков, оторвались!»

И тут Оленька приподнялась и перестала раскачиваться в гамаке, оцепенев от мысли, которая ее внезапно посетила.

«А ведь петушки мои уже несколько дней как почти не поют у меня. Разве что иногда кто-нибудь кукарекает, а раньше-то как голосили!»

Она мысленно вернулась к сегодняшнему утру и уже уверенней заключила:

«Во всяком случае, сегодня я их пения точно не слышала».

Оленька еще несколько раз качнулась уже по инерции, она усиленно думала. Не ошибается ли она в своих догадках? Но нет, все складывалось именно так, как Оленьке и показалось. Петушки больше не пели. А ведь еще недели две назад заливались на разные голоса.

«А теперь все, молчок!»

Такой новостью стоило немедленно поделиться с подругами. Оленька так торопилась выбраться из гамака, что запуталась в его сетке и буквально вывалилась, придавив собой безмятежно дремавшего под гамаком Калачика. Тот очень испугался, когда среди мирного сна на него сверху упало что-то тяжелое и громко ругающееся вдобавок. И песик бросился бежать со всех лап, а затем, оказавшись на безопасном, по его расчетам, расстоянии, огласил окрестности громким и возмущенным лаем.

– Прости, миленький мой, – принялась оправдываться перед собакой Оленька, с кряхтением соскребая себя с земли. – Прости, родной. Но тут такая новость, что ждать совершенно нельзя.

Светлана с Катюшей тоже дремали после обеда, но Оленька стащила их с кровати и, не обращая внимания на их недовольство, изложила свою версию:

– У меня пропадают петухи!

– Знаем!

– Но не простые петухи, а именно те, которые поют!

– А я думала, что они у тебя все горланят.

– Нет! Они еще молоденькие, а в детстве петухи вообще не поют. И все по-разному приходят в возраст, когда начинают петь. Как и дети, они взрослеют кто-то раньше, кто-то чуть позже. Из всего стада поют лишь несколько особей. А теперь их-то как раз и нету.

– Ты уверена?

– Да! Я раньше особого внимания не обращала, что по утрам стало как-то тихо, думала, может, сплю крепко. А сегодня я тревожилась за Калачика, как он там стражу несет, не спала, но все равно не услышала ни единой петушиной песни.

– То есть у тебя крадут исключительно певцов?

– Вот именно!

– И как он их выбирает? Ночью все кошки серы.

– При чем тут кошки? – заволновалась Светлана. – Мой Феодор петухов никогда не трогал, он любит их исключительно на расстоянии.

– Кошки – это иносказательно. Я к тому, что ночью все петухи молчат. Как отличить одного от другого? Как выбрать нужного, чтобы он точно пел, если они все белые и все на одно лицо, то есть морду... клюв!

– А действительно, – разинула рот Светлана. – Как?

– Он их как-то помечает еще днем! Замечает, какие из них поют, а потом брызгает на них специальной краской, которая светится в темноте.

Но Оленька заверила, что выключает на ночь свет в курятнике и выходит оттуда уже в потемках. И ни один петух при этом ей своим светом дорогу не освещал.

– И потом, чтобы обрызгать петушков, нужно находиться рядом с ними долгое время, чтобы определить, какие из них уже поют. А у меня вольер с петушками устроен таким образом, чтобы они поменьше попадались на глаза соседям. Те их и не видят.

– Не видят, но слышат.

– Слышат, да. Но не понимают, какой петух поет, а какой просто еще не дорос.

– Может, случайность? Может, просто так совпало? Украли у тебя уже много, минимум два десятка увели, среди всех прочих попались и певуны.

Но Оленька считала, что дело в чем-то другом.

– И в чем же? – поинтересовалась Светлана.

И тут молчавшая до сих пор Катюша внезапно спросила:

– А как они у тебя поют?

– О! Прекрасно! И очень громко! А уж заливаются! Каждый на свой лад. У каждого своя песня. Кто-то скрипит, как несмазанное колесо. Кто-то заливается, так что с кровати прыгиваешь. Кто-то сначала хрипит, так что придушить его хочется, а потом вдруг как заголосит!

Катюша покачала головой.

– Песни их я сама слышала. Я про другое тебя спрашиваю. Где они свои вокальные упражнения исполняют?

– А... так много где. На заборе, на дровнике, на шестке. Им главное, чтобы повыше быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.